
УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ

УДК 911.375.36

ТИПОЛОГИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА РОССИИ ПО ДИНАМИКЕ ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В 2010–2021 гг.

© 2025 г. А.И. Алексеев^{1*}, З.С. Бучинцев^{1,2**}, К.С. Локтионов^{1,3***}

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия*

² *Исследовательский центр «Картфонд», Москва, Россия*

³ *Научный центр изучения проблем сельских территорий Российского государственного университета народного хозяйства им. В.И. Вернадского, Москва, Россия*

**e-mail: alival@mail.ru*

*** e-mail: zakharbuchintsev@gmail.com*

**** e-mail: leeglokto@yandex.ru*

В статье представлена комплексная типология малых городов и поселков городского типа России, основанная на анализе динамики их социально-экономического развития в период 2010–2021 гг. Исследование охватывает 1 838 малых городов и поселков городского типа, для которых были проанализированы демографические показатели, объемы жилищного строительства и пространственное положение относительно крупных городских центров. На основе бинарной логистической регрессии были определены зоны влияния крупных городов. В результате выделены четыре макротипа и десять типов рассмотренных городских поселений, демонстрирующих различные траектории их социально-экономического развития. Установлено, что 63% населения анализируемой совокупности поселений, преимущественно расположенных на периферийных территориях, проживает в населенных пунктах с негативной социально-экономической динамикой. Положительную динамику демонстрируют лишь 17% городских населенных пунктов, сконцентрированных в пределах крупнейших агломераций. Выявлена значительная географическая дифференциация в динамике социально-экономического развития рассмотренных городских поселений: Европейский Север, Восточная Сибирь и Дальний Восток характеризуются преобладанием депрессивных типов, в то время как часть Северо-Западного, Центральный и Северо-Кавказский экономические районы отличаются повышенной долей населенных пунктов с позитивной социально-экономической динамикой.

Ключевые слова: малые города, поселки городского типа, зоны влияния крупнейших городов, системы расселения, типология, динамика развития.

DOI: 10.5922/1994-5280-2025-3-6

Введение и постановка проблемы. Для огромной территории России вкупе с относительно небольшим количеством крупных городов свойственна значительная социально-экономическая дифференциация и поляризация, проявляющаяся и через центр-периферийные отношения [16]. Однако при формировании стратегий и программ социально-экономического развития эти различия часто остаются в стороне [21]. Основное же внимание уделяется преимущественно

регионам и крупным центрам [7], в то время как малые городские населенные пункты часто игнорируются. Между тем, некоторые малые города и поселки городского типа (пгт) обладают реальным социально-экономическим и культурным потенциалом, который можно использовать для развития российских регионов [25].

Малые города и поселки городского типа особенно остро ощущают на себе социально-экономические изменения, особенно

ограничения в бюджетных, социальных и экономических ресурсах, старение населения и его сокращение. При этом они выполняют важную функцию сохранения локальных систем расселения. В условиях, когда социально-экономическое пространство становится более раздробленным, а сфера услуг в сельской местности существенно сократилась, их роль как центров обслуживания сельского населения лишь возрастает [6].

По результатам Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. (ВПН–2020) в России насчитывалось 1 838 малых городов с населением менее 50 тыс. чел. и поселков городского типа (будем назвать их «малыми городскими населенными пунктами» – МГНП), что составляет порядка 70% от общероссийского числа городских населенных пунктов. В общей сложности в них проживало 22,2 млн чел., а в зоне их влияния – еще 35 млн чел. [22].

Рассмотренные в данной статье малые городские населенные пункты демонстрируют разнообразие траекторий социально-экономического развития в зависимости от множества факторов. Их типологизация позволяет выделить схожие группы, которые можно использовать для проведения дифференцированной политики в области регионального развития.

Целью исследования является типологизация малых городов и поселков городского типа в России на основе сочетания следующих факторов: роль в системах расселения; динамика демографических показателей (естественный и механический прирост населения, динамика численности населения в целом); текущее социально-экономическое положение; развитие городской среды, оцениваемое через объемы жилищного строительства [5]. Для этого авторами был проведен анализ текущей демографической динамики МГНП; выделены зоны влияния крупных городов и проведена оценка степени их влияния на демографическое и экономическое развитие МГНП; оценено социально-экономическое состояние различных типов МГНП, выявлены причины стабильности или деградации их социально-экономического положения; проведена типология МГНП с учетом их положения относительно крупных городских центров и агломераций.

Обзор ранее выполненных исследований. Изучение малых городов в России имеет свою историю. В XIX в. статистические описания городов Российской империи создавались в рамках работы Центрального статистического комитета. Важный вклад в эту работу внес К.И. Арсеньев, разработавший первое экономическое районирование России, где малым городам отводилась роль местных административных и торговых центров [2]. В конце XIX – начале XX в. В.П. Семенов-Тянь-Шанский в работе «Город и деревня в Европейской России» (1910) представил одну из первых типологий городских поселений. Автор выделил «истинные города» и «городки» (промежуточные полугородские населенные пункты), многие из которых мы относим теперь к категории малых городов [23].

Начало систематического изучения малых городов в советский период связано с работами по экономическому районированию и планированию размещения производительных сил. Одни из первых фундаментальных исследований городских поселений были предприняты Н.Н. Баранским, заложившим основы советской экономической географии и географии городов, в частности. Он рассматривал город как часть территориальной системы хозяйства и расселения, разрабатывал методики оценки экономико-географического положения городов [3].

Формирование географии малых городов как самостоятельного направления относится к 1960-м гг. Именно тогда в работах советских экономико-географов (Г.М. Лаппо, Б.С. Хорева и др.) малые города стали рассматриваться как особая категория поселений, требующая специальных подходов к изучению. Были установлены количественные критерии для определения малых городов – городские населенные пункты численностью менее 50 тыс. чел.

В 1960–1970-е гг. происходит становление научных школ, специализирующихся на изучении городов различного типа. Публикуются фундаментальные работы Г.М. Лаппо, Ю.Л. Пивоварова, Б.С. Хорева, В.Г. Давидовича. В 1980–1990-е гг. А.И. Алексеев начинает заниматься проблематикой малых городов в контексте сельско-городского континуума, исследуя взаимосвязи между малыми городами и сельской местностью [1]. В этот период объект исследования под

названием «малые города» окончательно оформляется как самостоятельный, создаются специализированные научные группы. Распад СССР и переход к рыночной экономике привели к глубоким трансформациям пространственной организации общества. В этих условиях происходит переосмысление подходов к изучению малых городов.

Системный подход к изучению городской расселения России представлен в работах Г.М. Лаппо. В монографии «География городов» [12] малые города рассматриваются как неотъемлемый элемент территориальных систем расселения и в целом территориальной организации общества, выполняющие специфические функции на локальном уровне – центры местного обслуживания, связующие звенья между крупными городами и сельской местностью, опорные пункты освоения периферийных территорий. Продолжением этих идей стала монография «Города России. Взгляд географа», где данный автор обобщил эволюцию российских городов от советского периода до начала XXI в. [13]. Особое внимание уделяется трансформациям малых городов в постсоветский период – потере градообразующих предприятий, депопуляции, изменению функциональной структуры. Лаппо показывает разнообразие судеб малых городов: от успешной адаптации пригородных поселений, включенных в орбиту крупных агломераций, до глубокого кризиса периферийных монофункциональных городов, подчеркивая значение географического положения как ключевого фактора их развития в условиях рыночной экономики.

Значимое место в современном изучении малых городов занимает коллективная монография «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» [4], созданная под редакцией Т.Г. Нефедовой, П.М. Поляна и А.И. Трейвиша и посвященная памяти В.П. Семенова-Тян-Шанского. Эта работа представляет собой масштабное исследование, охватывающее столетний период трансформаций систем расселения в России – от начала XX в. до начала XXI в. Авторы прослеживают долгосрочные тренды в развитии городских и сельских поселений, анализируя, как исторические события – индустриализация, урбанизация советского периода, распад СССР и переход к рыночной экономике – отразились на малых городах как промежуточном звене между крупными

городскими центрами и сельской местностью. Методологическая ценность данного труда заключается в применении ретроспективного подхода и сравнительного анализа территориальных систем расселения в различные исторические периоды. Исследование показывает, как на протяжении столетия менялась роль малых городов в системе расселения Европейской России, какие факторы способствовали их росту или упадку в разные эпохи.

Особое внимание среди современных исследований малых городов уделяется их депопуляции. Так, П.Л. Кириллов и А.Г. Махрова выделяют людность городов и их географическое положение одними из основных факторов динамики численности населения [11]. Наиболее подверженными депопуляции российскими городами являются именно малые города, прежде всего на севере Европейской части России и на востоке страны. А.Г. Махрова, Д.Ю. Землянский и другие исследователи создают методические подходы к составлению индексов социально-экономического развития российских городов, однако, в случае с малыми городами эта задача является более затруднительной в связи с статистическими ограничениями [8; 9].

Существенный вклад в понимание пространственных взаимосвязей городских и сельских поселений внесла статья Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша «Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России» в которой авторы представляют комплексный анализ территориальной организации системы расселения России, рассматривая малые города как связующее звено между крупными городскими центрами и сельской периферией [20]. Авторы предложили подход, при котором малые и средние города с их полудеревенским обликом и слитностью с сельским окружением рассматриваются вместе с сельскими районами как единая территориальная система. На примере Центрального федерального округа исследователи выявили четкий градиент «Север–Юг» и различия по оси «Центр–Периферия», показав, что близость к крупнейшим агломерациям определяет дифференцированные траектории развития малых городов в различных частях страны.

В последнее десятилетие изучение пригородов крупных городов, которые стали центрами притяжения населения, оформляется

как особое направление исследований. Н.В. Мкртчян, Л.Б. Карачурина и другие учёные отмечают особое влияние крупнейших городов на притяжение внутрироссийских мигрантов [10; 17; 18]. Распространение влияния крупнейших городов на окружающую местность отражается, в том числе, и на малых городах.

Исследователями выделяется особая роль малых городов как центров систем расселения, концентрирующих сферу услуг и социальную инфраструктуру в целом для своего окружения. Так, А.А. Фомкина на примере городов Тверской области отмечает, что в условиях убыли сельского населения, малые города становятся единственными точками, где возможна концентрация сферы обслуживания для населения своих муниципалитетов [26].

Подробному изучению малых городов посвящены работы А.А. Смирновой и И.П. Смирнова, которые оценивают социально-географическое пространство малых городов Тверской области, освещают социальные аспекты жизни этих городов [14; 24]. Проводятся также исследования, связанные с выявлением идентичности малых городов и поиском их бренда [15].

В знаковой статье Т.Г. Нефедовой, Н.Е. Покровского, А.И. Трейвиша «Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности» [19] рассматривается многозначность понятия мобильности как физического перемещения населения, так и изменения стиля жизни, ценностных ориентаций. Авторы анализируют два мощных противоположных потока, определяющих пространственную трансформацию в современной России: центробежную сезонную дачную дезурбанизацию и центростремительную трудовую миграцию из сельской местности и небольших городов в крупные городские центры. Малые города в этом контексте занимают особое положение, испытывая воздействие обоих потоков: с одной стороны, они теряют население в результате трудовых миграций в крупные центры, что особенно характерно для периферийных поселений; с другой стороны, малые пригородные города могут становиться объектами дачного использования. В статье раскрываются причины отождествления города и многообразия дач как соци-

ального явления, их влияние на образ жизни городских и сельских жителей, используя материалы экспедиционного исследования 2003–2011 гг.

Таким образом, история изучения малых городов России прошла несколько этапов, каждый из которых характеризуется своими подходами и тематическими приоритетами. Термин «малые города» сформировался в 1920-е гг., но как самостоятельное научное направление исследования малых городов оформились только в 1960-е гг. Учение о малых городах прошло значительный путь развития – от дореволюционных статистических описаний до современных междисциплинарных исследований. Работы таких российских ученых, как А.И. Алексеев, Г.М. Лаппо, И.М. Маергойз, Т.Г. Нефедова, Ю.Л. Пивоваров, А.И. Трейвиш и др., внесли существенный вклад в понимание процессов развития малых городов в различные исторические периоды. Их исследования раскрывают многообразие факторов, определяющих динамику развития малых городов, и создают научную основу для разработки типологии динамики численности населения малых городских поселений России.

Материалы и методика исследования.

На первом этапе исследования были собраны и обработаны данные муниципальной статистики за период 2010–2021 гг., включая данные о среднегодовой рождаемости и смертности, миграциях населения, объеме жилищного строительства; численности населения по результатам ВПН–2010 и ВВП–2020 гг. Полученные данные были приведены к одному временному промежутку путем осреднения, что позволило получить более точную картину демографических и экономических процессов в МГНП.

Для оценки географической близости МГНП к крупным городам были рассчитаны расстояния между ними по автодорогам. Для оценки взаимного влияния населенных пунктов была использована концепция «зон влияния», что позволило выявить ключевые центры притяжения (табл. 1). Для объективизации критериев «пригородности» была применена бинарная логистическая регрессия, моделирующая вероятность положительного демографического прироста малого города (P) как функцию двух ключевых переменных: численность населения города-центра

Таблица 1. Зоны влияния крупнейших городов

Численность населения, тыс. чел.	Зона влияния R_1 , км	Для вторичных ПЦ (за основной зоной влияния) R_2 , км
Более 5 000	70	80
1 000–5 000	50	30
500–1 000	35	15
250–500	20	–
100–250	15	–
50–100	10	–

Источник: составлено на основе расчетов авторов и данных из исследования Л.Б. Карачуриной с соавторами: [9].

(P_{center}) и расстояние по автодорогам между центрами городов ($Dist$):

$$\ln\left(\frac{P}{1-P}\right) = \beta_0 + \beta_1 \times \ln(P_{center}) + \beta_2 \times \ln(Dist)$$

На основе полученной модели и анализа выполненных ранее исследований были определены два пороговых радиуса: R_1 , соответствующий вероятности $P = 0,5$ (равные шансы роста и убыли малого ГНП), и R_2 , где $P = 0,2$ (граница статистически значимого влияния). Данные пороги позволили сформировать пространственную матрицу «зон влияния» для городов различного размерного класса.

Такой подход позволил оценить степень зависимости МГНП от более крупных городов и их экономическую интеграцию. Понятие зоны влияния вводится для широкого определения влияния крупного города – на миграции, строительство, обеспечение услугами и последующее закрепление населения.

Затем была произведена типологизация МГНП, выполненная в два последовательных этапа, что обусловлено как структурой исходных данных, так и установкой исследования – обеспечить воспроизводимость и интерпретируемость результатов.

На первом этапе была сформирована техническая решётка кластеров – предварительная группировка МГНП по сочетанию ключевых характеристик: естественного и миграционного прироста (по шести категориям интенсивности), активности жилищного строительства (три уровня) и принадлежности к зонам влияния крупных центров (пять категорий). Такая комбинация пороговых значений позволила получить 43 первичные группы, отражающие возможные сочетания демографических и пространственно-экономических параметров.

Показатель среднегодового объема жилищного строительства выполнял роль интегрального, определяющего как привлекательность городского населенного пункта для местных жителей, так и инвестиций со стороны девелоперов. Также данный показатель является единственным, относительно полно представленным в БДпМО по всем городским поселениям среди маркирующих экономическое развитие населенного пункта. Кроме этого, жилищное строительство является одним из ключевых факторов формирования городской среды, непосредственно влияющим на миграционные процессы и демографическую устойчивость населенных пунктов.

Эта первичная сетка носила инструментальный характер. Ее необходимость была обусловлена задачей систематизации и выявления устойчивых сочетаний признаков, а также для первичного анализа аномальных и переходных случаев.

На втором этапе была проведена алгоритмическая кластеризация с использованием метода k-средних. Методы применялись к стандартизованным среднегодовым числовым показателям – естественному и миграционному приросту, интенсивности жилищного строительства и категориейной переменной пригородности, преобразованной в порядковый код. Анализ дендрограммы и диагностических графиков k-средних (метода локтя и каменной осыпи) показал наличие 10–15 устойчивых статистических кластеров, четко разделённых по динамике выбранных показателей. Эти результаты подтвердили обоснованность укрупнения 43 технических групп в 10 финальных типов, сгруппированных в 4 макротипа (табл. 2, 3).

Таким образом, двухступенчатый подход позволил совместить объективность количественного анализа с содержательной интер-

Таблица 2. Показатели динамики населения типов МГНП в 2010–2021 гг.

Макротип МГНП	Тип МГНП	Кол-во ГНП	Суммарная численность населения в 2021 г., тыс. чел.	Средняя численность населения МГНП в 2010 г., тыс. чел.	Средняя численность населения МГНП в 2021 г., тыс. чел.	Изменение средней численности населения МГНП в 2010–2021 гг., %
Пригородный	Развивающийся пригородный	168	2 767,9	13,8	16,5	19,3
	Вторичный пригородный	47	737,7	14,4	15,7	8,9
	Депрессивный пригородный	130	1 823,5	15,7	14	-10,9
С ухудшающимся положением	Депрессивный	685	8 266,4	13,8	12,1	-12,2
	Очень депрессивный	286	1 356	6,4	4,7	-26
	Миграционно убывающий	31	550	19,1	17,7	-7,3
	Сжимающийся реципиент миграции	162	1 950,8	12,9	12	-6,7
Стабильный	Стабильный	265	3 730,2	14	14,1	0,6
	«Этнический»	44	754,9	15,7	17,2	9,2
Развивающиеся за пределами агломераций		20	265,1	10,5	13,3	26,5
Всего		1 838	22 202,6	12,8	12,1	-5,9

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Структурные показатели типов МГНП в 2010–2021 гг.

Макротип МГНП	Тип МГНП	Среднегодовой естественный прирост, ‰	Среднегодовой механический прирост, ‰	Введено жилья на душу населения за период, м ²	Доля МГНП, находящихся в зоне влияния крупных городов
Пригородный	Развивающийся пригородный	-3,7	19,2	15,1	96,4%
	Вторичный пригородный	-5,3	11,9	5,2	95,7%
	Депрессивный пригородный	-5,7	-4,3	8,0	93,1%
С ухудшающимся положением	Депрессивный	-6,9	-4,5	3,4	18,5%
	Очень депрессивный	-9,8	-13,6	4,4	5,2%
	Миграционно убывающий	4,8	-10,1	3,5	19,4%
	Сжимающийся реципиент миграции	-10,7	3,3	4,5	17,3%
Стабильный	Стабильный	-3,1	3,1	5,3	25,7%
	«Этнический»	7,9	1,1	4,8	31,8%
Развивающиеся за пределами агломераций		-0,4	22,4	12,9	35,0%
Всего		-6,1	0,2	5,5	32,3%

Источник: составлено авторами.

претацией и обеспечить прозрачность процедуры типологизации.

Результаты исследования. Выделенные типы были разделены на динамические группы, демонстрирующие динамику социально-экономического положения МГНП в 2010–2021 гг. К группе с позитивной динамикой были отнесены следующие типы МГНП: развивающийся пригородный, вторичный пригородный, развивающийся. К группе со стабильным положением – стабильный и «этнический». Остальные были отнесены к категории негативной динамики. Результаты типологизации демонстрируют напряженное положение МГНП – большая часть населения из них проживает в типах, отнесенных к группе с негативной динамикой социально-экономического положения (табл. 4).

Выделенные типы имеют значительную географическую дифференциацию. В зависимости от различных факторов социально-экономического положения, в различных экономических районах среди исследованных МГНП преобладают разные макротипы (рис. 1; табл. 5). Особенно сильно дифференциация между экономическими районами проявляется в связи с зональными факторами, наличием крупных городских агломераций, различной периферийностью и демографическими тенденциями в населении.

В исследованных МГНП пригородного макротипа проживает 1/4 населения, из них значительная часть (165 МГНП) – в зоне влияния Москвы и Санкт-Петербурга (рис. 2).

2/3 пригородных МГНП характеризуются приростом населения (в первую очередь за счет высокого миграционного прироста) и значительными темпами строительства. Тем не менее, не все МГНП пригородного макротипа отличаются позитивной

социально-экономической динамикой – 1/3 населения внутри этого макротипа проживает в типе депрессивных пригородных МГНП (например, почти все пригородные МГНП Северо-Западного района за пределами Санкт-Петербургской и Калининградской агломераций). В разрезе ПГТ и малых городов более успешными являются первые – 25% населения ПГТ проживают в МГНП, отнесенных к типам с позитивной социально-экономической динамикой, что связано с их более конкурентноспособным отраслевым положением. Среди населения МГНП только 13% проживает в типах, отнесенных к группе с позитивной социально-экономической динамикой.

Большая часть МГНП относятся к макротипу с ухудшающимся положением – в них проживает 55% населения. В среднем это поселения с низкой средней людностью, им присущи высокие темпы естественной и миграционной убыли населения, низкие объемы строительства, а также расположение на удалении от крупных городов. Во всех экономических районах в МГНП этого макротипа проживает большинство населения (кроме Северо-Кавказского), но особенно высока их доля на Северном районе (более 80% населения), а также в Поволжском, Восточно-Сибирском и на Дальневосточном районах (более 70% населения).

К стабильному макротипу отнесены МГНП двух типов: стабильные (с устойчивой численностью населения и средними объемами жилищного строительства) и «этнические». Первый тип для значительной части России является относительно стабильным элементом систем расселения за пределами крупных агломераций (в Северном районе, например, это единственные не деградирующие МГНП – в них проживает менее 10% населения района). МГНП

Таблица 4. Динамические группы типов МГНП в 2010–2021 гг.

Динамические группы	Количество МГНП	Население, 2021 г., тыс. чел.	Доля от населения в 2021 г.
С позитивной динамикой	235	3 770,7	17,0%
Со стабильным положением	309	4 485,1	20,2%
С негативной динамикой	1 294	13 946,7	62,8%
Всего	1 838	22 202,6	100,0%

Источник: составлено авторами.

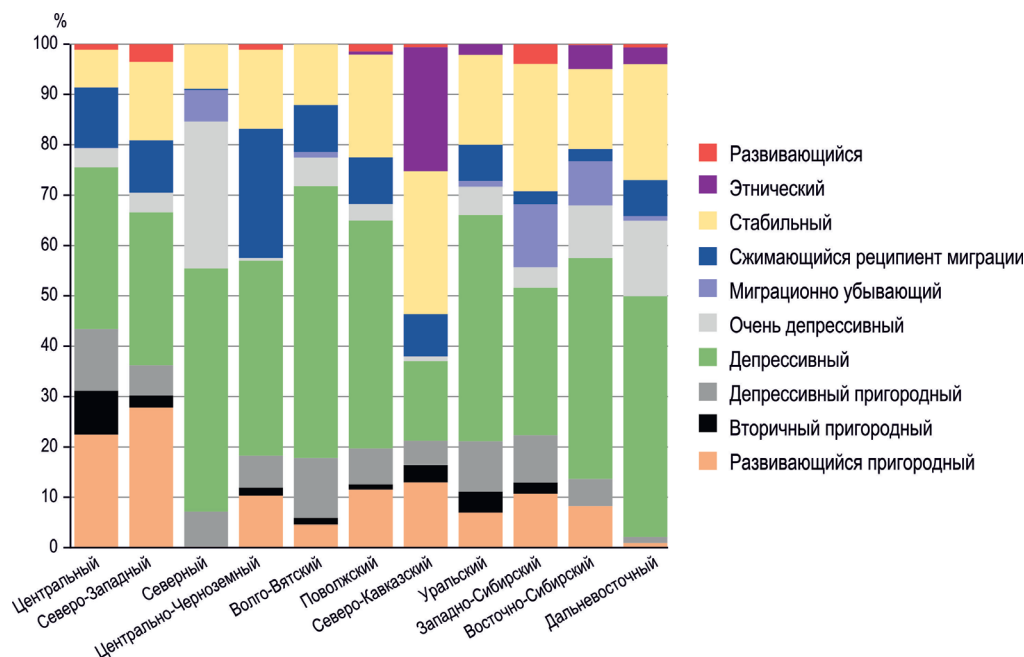

Рис. 1. Структура типов МГНП по экономическим районам, % населения.

Источник: составлено авторами.

«этнического» типа в основном расположены в республиках Северного Кавказа, юга Сибири и в Республике Саха (Якутия).

Макротип МГНП, развивающихся за пределами агломераций – самая малочисленная группа. В этих МГНП самый высокий коэффициент миграционного прироста и динамика численности населения в целом, одни из самых высоких показателей объемов жилищного строительства. В этом типе МГНП выделяется несколько подтипов. Первый – некоторые нефтегазовые города в ХМАО и ЯНАО, привлекающие мигрантов доходами. Второй – курортные МГНП с комфортными условиями проживания (Джубга, Жемчужный) и поселения Самбийского (Калининградского) полуострова, привлекающие мигрантов по комплексу причин. Отдельный подтип составляют поселения окраины Московской области, также привлекательные для переезда.

Ниже рассмотрены выделенные типы и особенности их социально-экономического положения.

Первый макротип – Пригородные МГНП (345 МГНП, 5 329 тыс. чел.):

а. Развивающиеся пригородные МГНП (168 МГНП, 2 768 тыс. чел.). Примеры: города Дедовск, Бронницы в Московской обла-

сти, Сестрорецк в Санкт-Петербурге, Иннополис в Республике Татарстан, пгт Вырица в Ленинградской области.

Эти МГНП в основном расположены в пределах Московской и Санкт-Петербургской агломераций. Они обладают выгодным экономико-географическим положением, расположены в непосредственной близости от крупных городов (редко – городов людностью немного меньше 250 тыс. чел.), что обеспечивает им доступ к развитой инфраструктуре и трудовым маятниковым миграциям. Характеризуются высокими значениями миграционного прироста, устойчивым ростом численности населения, активным развитием строительного сектора, здесь самые высокие объемы строительства на душу населения.

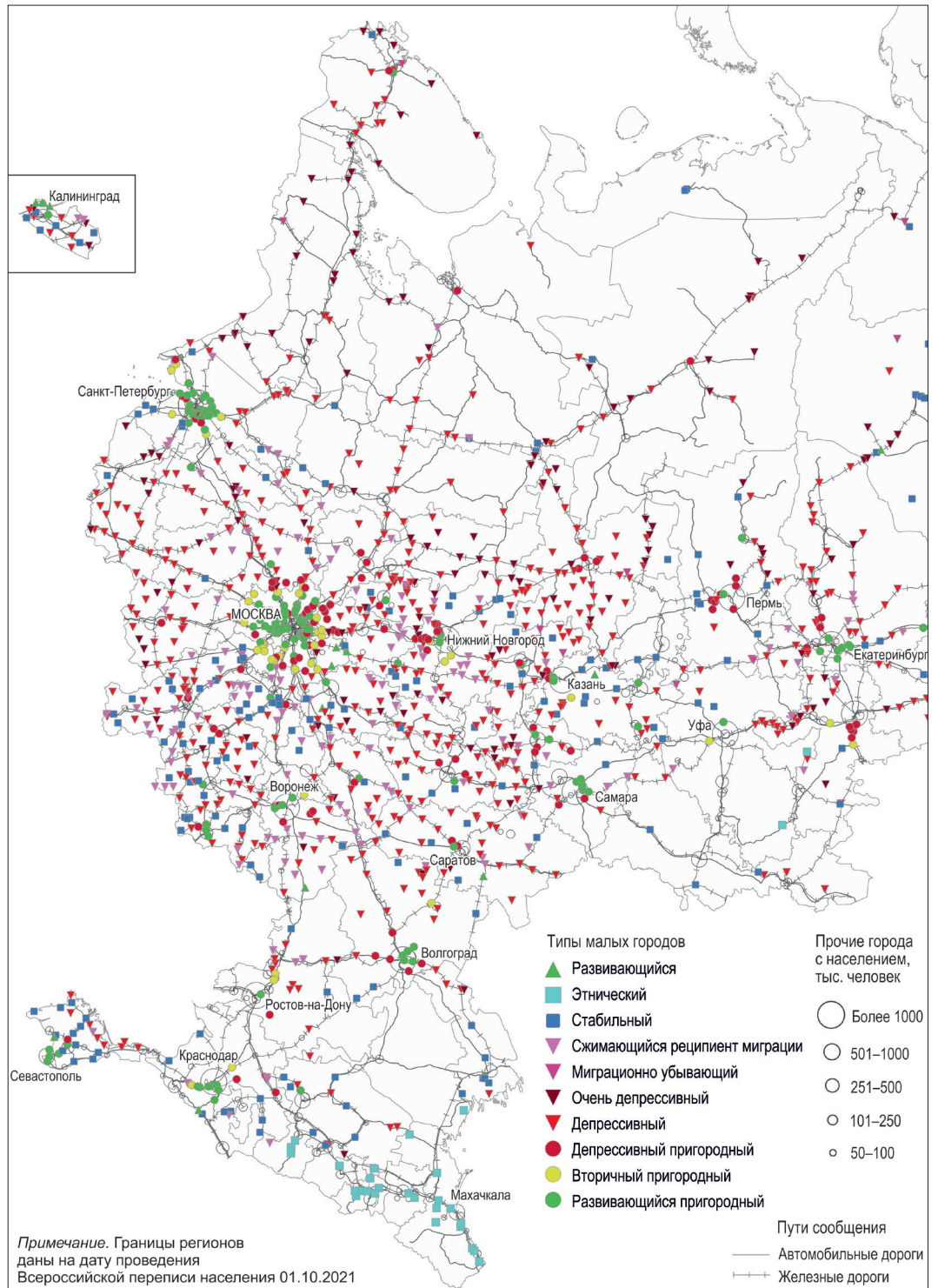
б. Вторичные пригородные МГНП (47 МГНП, 738 тыс. чел.). Примеры: города Кашира, Луховицы в Московской области, Приморск в Ленинградской области, пгт Ахтырский в Краснодарском крае, Чишмы в Республике Башкортостан.

Этот тип МГНП в основном характерен для Московской и Санкт-Петербургской агломераций, но встречается и в меньших (например, в Уфимской агломерации в Республике Башкортостан). Эти МГНП также

Таблица 5. Структура типов МГНП по населению по экономическим районам, тыс. чел.

Макротип	Тип МГНП	Экономические районы										РФ в целом	
		Центральные	Северо-Западные	Северные	Центрально-Черноземные	Волго-Вятский	Поволжский	Северо-Кавказский	Уральский	Западно-Сибирский	Восточно-Сибирский		Дальне-Восточный
Пригородный	Развивающийся пригородный	1 054,7 22,5%	415,4 27,8%	2,2 0,2%	131,2 10,4%	67,2 4,6%	240,6 11,6%	296,1 13,0%	176,7 7,0%	238,9 10,7%	131,6 8,3%	13,4 0,9%	2 767,9 12,5%
	Вторичный пригородный	408,2 8,7%	36,5 2,4%	–	19,7 1,6%	19,2 1,3%	21,6 1,0%	78,1 3,4%	104,8 4,1%	49,6 2,2%	–	–	737,7 3,3%
С углубленным положением	Депрессивный пригородный	576,0 12,3%	89,3 6,0%	78,3 7,0%	80,6 6,4%	173,7 11,9%	147,4 7,1%	110,4 4,8%	254,1 10,0%	210,8 9,4%	85,1 5,4%	17,9 1,2%	1 823,5 8,2%
	Депрессивный	1 506,2 32,1%	453,9 30,4%	541,5 48,3%	488,7 38,7%	787,5 54,0%	943,2 45,3%	361,2 15,8%	1 138,2 44,9%	654,2 29,3%	697,0 43,9%	694,8 47,8%	8 266,4 37,2%
С углубленным положением	Очень депрессивный	176,2 3,8%	58,8 3,9%	326,9 29,2%	7,8 0,6%	83,3 5,7%	67,9 3,3%	20,8 0,9%	141,7 5,6%	89,4 4,0%	165,0 10,4%	218,3 15,0%	1 356,1 6,1%
	Миграционно убывающий	5,0 0,1%	–	69,4 6,2%	–	16,1 1,1%	–	–	27,8 1,1%	279,6 12,5%	138,7 8,7%	13,4 0,9%	550,0 2,5%
Стабильный	Сжимающийся реципиент миграции	563,9 12,0%	154,2 10,3%	3,4 0,3%	324,0 25,6%	135,2 9,3%	193,8 9,3%	192,2 8,4%	182,5 7,2%	57,8 2,6%	39,7 2,5%	104,1 7,2%	1 950,8 8,8%
	Стабильный	348,3 7,4%	233,6 15,6%	99,5 8,9%	197,9 15,7%	176,9 12,1%	423,3 20,3%	646,4 28,3%	453,0 17,9%	564,7 25,3%	251,7 15,9%	334,8 23,0%	3 730,2 16,8%
Развивающиеся за пределами агломераций	«Этнический»	–	–	–	–	–	13,8 0,7%	563,0 24,7%	54,0 2,1%	–	75,4 4,8%	48,7 3,3%	755,0 3,4%
	Развивающиеся за пределами агломераций	54,1 1,2%	52,3 3,5%	–	14,4 1,1%	–	30,2 1,4%	13,6 0,6%	–	88,0 3,9%	3,1 0,2%	9,5 0,7%	265,1 1,2%
Итого по экономическим районам		4 693 100%	1 494 100%	1 121 100%	1 264 100%	1 459 100%	2 082 100%	2 282 100%	2 533 100%	2 233 100%	1 587 100%	1 455 100%	22 203 100%

* В процентах указана доля типа в населении экономического района.
Источник: составлено авторами.

расположены вблизи крупных агломераций, однако на значительном удалении от крупнейших городских центров. В отличие от развивающихся пригородных МГНП, они выполняют роль промежуточных населенных пунктов, обеспечивающих базовые

социальные и экономические функции, но не обладают теми же преимуществами в плане доступности крупнейших городов для маятниковых миграций. В этих МГНП наблюдаются умеренные миграционный прирост и темпы роста населения, умеренное развитие

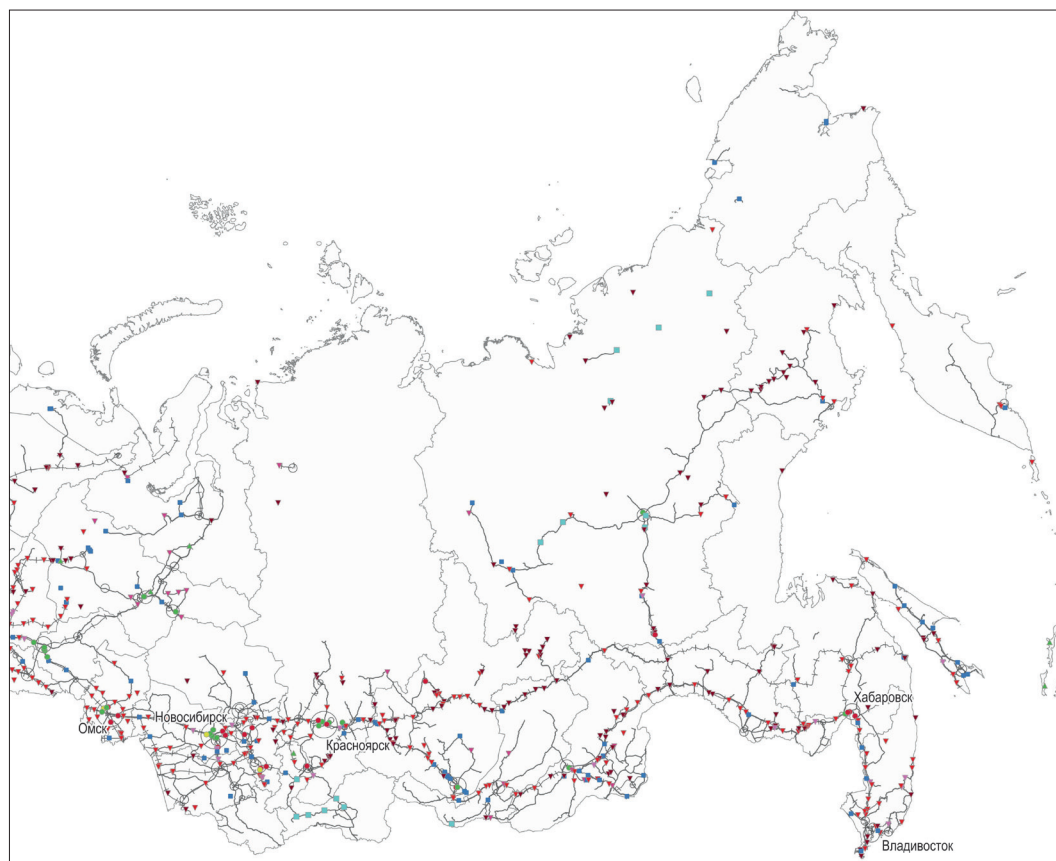

Рис. 2. Результаты типологизации МГНП России на основе динамики социально-экономических показателей в 2010–2021 гг.

Источник: составлено авторами.

инфраструктуры, ориентированное преимущественно на поддержание существующего уровня жизни населения. Они менее интегрированы в экономику агломераций. Вторичные пригородные центры, по сравнению с развивающимися, имеют менее выраженные темпы развития и выполняют скорее стабилизирующую функцию для региональных систем расселения.

с. Депрессивные пригородные МГНП (130 МГНП, 1 823,5 тыс. чел.). Примеры: города Узловая в Тульской области, Кола в Мурманской области, Еманжелинск в Челябинской области, пгт Монино в Московской области, Большая Ижора в Ленинградской области.

Эти МГНП находятся вблизи крупных агломераций, однако, в отличие от развивающихся и вторичных пригородных МГНП, сталкиваются с серьезными социально-экономическими проблемами, которые ограничивают их возможности для развития. Для них характерно сокращение численности

населения, в том числе молодежи, недостаток инвестиций и снижение экономической активности. Часто – это старые промышленные центры, для которых близость к крупным агломерациям не дает им преимуществ, а наоборот, является катализатором стагнации и облегченной миграции в более крупный город. Эти МГНП являются одними из наиболее стремительно депопулирующих.

Второй макротип – МГНП с ухудшающимся социально-экономическим положением (1 164 МГНП, 12 123 тыс. чел.):

а. Депрессивные МГНП (685 МГНП, 8 266 тыс. чел.). Примеры: города Урюпинск в Волгоградской области, Торопец в Тверской области, Лакинск Владимирской области, Грязи в Липецкой области, пгт Биракан в Еврейской автономной области.

Данный тип МГНП является самым многочисленным как по количеству городских населенных пунктов, так и по численности населения, здесь проживают 30% всех

жителей МГНП. Они расположены чаще всего на периферии и имеют низкую людность. МГНП этого типа массово присутствуют в каждом экономическом районе, но меньше всего их на юге Европейской России, где в них проживает только 15% населения МГНП. В Поволжском, Северном, Уральском, Дальневосточном районах в них проживают более 40%, в Волго-Вятском – более половины.

Депрессивные МГНП характеризуются сокращением численности населения, оттоком молодежи, снижением экономической активности. Однако, в отличие от очень депрессивных, они сохранили существенную часть экономической базы, позволившую сохранить основные рабочие места и население. Часто к ним относятся населенные пункты с гипертрофированной транспортной функцией в прошлом.

b. Очень депрессивные МГНП (286 МГНП, 1 356 тыс. чел.). Примеры: города Инта в Республике Коми, Сольвычегодск в Архангельской области, Юрьево в Ивановской области, Кизел в Пермском крае, Бодайбо в Иркутской области.

Эти МГНП локализованы в основном Северном (в них здесь проживает 30% населения малых ГНП), а также в Волго-Вятском, Восточно-Сибирском и Дальневосточном районах. Часто очень депрессивные МГНП формируют своеобразные оси на магистральных транспортных путях на периферии – например, на БАМе или трассе «Кольма». В данном типе населенных пунктов экономическая активность значительно сократилась, в них были утрачены основные производственные функции, они сталкиваются с сильной депопуляцией и отсутствием перспектив для восстановления экономической базы. Для этого типа МГНП характерно резкое сокращение численности населения (за межпереписной период здесь потеряно более 1/4 населения) и высокий уровень безработицы. Зачастую эти поселения являются транспортно изолированными, имеют ограниченный доступ к услугам и возможности для развития. МГНП данного типа имеют и наименьшую среднюю численность населения – всего 4,7 тыс. чел.

c. Миграционно убывающие МГНП (31 МГНП, 550 тыс. чел.). Примеры: города Стрежевой в Томской области, Агидель в Республике Башкортостан, Муравлен-

ко в ЯНАО, Кяхта в Республике Бурятия, пгт Агинское в Забайкальском крае.

Эти МГНП расположены в основном в ресурсодобывающих районах. Численность населения в них снижается преимущественно за счет миграционного оттока, так как естественный прирост остается умеренно положительным, в том числе за счет пониженной доли старших возрастов. Эти МГНП часто являются местами с избытком рабочей силы из-за сокращения объемов добычи полезных ископаемых или нереализованных крупных инвестиционных проектов (например, г. Агидель в Республике Башкортостан), либо занятость в них была переведена на вахтовый метод. Миграционно убывающие МГНП находятся в группе риска, поскольку без улучшения экономической ситуации естественный прирост со временем уменьшится из-за старения населения. Если не появятся факторы стабилизации или улучшения их социально-экономического положения, они в будущем перейдут в депрессивный тип.

d. МГНП – сжимающиеся реципиенты миграции (162 МГНП, 1 951 тыс. чел.). Примеры: города Абинск в Краснодарском крае, Калач в Воронежской области, Моршанск в Тамбовской области, пгт Теткино в Курской области, Приютово в Республике Башкортостан.

Это малые городские населенные пункты, расположенные по большей части в староосвоенных районах (особенно много таких ГНП в Центрально-Черноземном районе) и на Юге Европейской России. В таких ГНП наблюдается положительное миграционное сальдо, которое во многом связано с переселением людей из северных территорий в поисках более комфортных условий проживания и работы. Основными преимуществами таких населенных пунктов являются наличие базовой инфраструктуры, но самое главное – более мягкого климата, что делает их привлекательными для переселенцев, особенно предпенсионного возраста, что приводит в них к постепенному старению населения. В то же время, для этих МГНП сохраняется выбытие молодых возрастов. Все это приводит к высокому уровню естественной убыли населения.

Третий макротип – Стабильные МГНП (309 МГНП, 4 485 тыс. чел.):

a. Стабильные МГНП (265 МГНП, 3730 тыс. чел.). Примеры: города Апшеронск

в Краснодарском крае, Новозыбков в Брянской области, Азнакаево в Республике Татарстан, Лангепас в ХМАО, Сорочинск в Оренбургской области.

Стабильные МГНП являются населенными пунктами с относительно устойчивым социально-экономическим положением. Они характеризуются средними значениями плотности, которую в целом сохранили в межпереписной период. Являясь своеобразными «островками стабильности», в большей части регионов – это относительно крупные административные центры, подпитываемые миграцией из сельской местности (где еще имеется демографический потенциал), и лишь в некоторых регионах (Республика Крым, Калининградская область, Республика Татарстан) они стагнируют. На значительной части территории России эти МГНП являются стабильными центрами локальных систем расселения.

б. «Этнические» МГНП (44 МГНП, 755 тыс. чел.). Примеры: города Карабулак в Республике Ингушетия, Кизилюрт в Республике Дагестан, Учалы в Республике Башкортостан, пгт Белая Гора в Республике Якутия, Каа-Хем в Республике Тыва.

В данном типе МГНП более 40% населения принадлежит к одной или нескольким этническим группам с относительно высокими показателями рождаемости и соответственно – естественного прироста населения. Миграционное сальдо в них находится на уровне около нуля или чуть ниже, объемы жилищного строительства невысокие. Эти населенные пункты отличаются стабильным ростом численности населения. Большая часть МГНП этого типа расположены в республиках Северного Кавказа, Республике Тыва и Республике Саха (Якутия). Данные МГНП чаще всего выполняют в системах расселения функцию локальных центров.

Четвертый макротип – Развивающиеся МГНП за пределами агломераций (20 МГНП, 265 тыс. чел.). Он представлен одним типом, имеющим такое же название. Примеры: города Светлогорск Калининградской области, Губкинский в ЯНАО, пгт Джубга в Краснодарском крае, Федоровский в ХМАО, Жемчужный в Республике Хакасия.

Этот тип является самым малочисленным по количеству входящих в него МГНП, которые развиваются за счет особенностей своего экономико-географического положе-

ния и особой экономической активности. В этих МГНП самый высокий коэффициент миграционного прироста и относительно высокие темпы роста численности населения в целом, одни из самых высоких показателей объемов жилищного строительства. В данном типе МГНП выделяются несколько подтипов. Первый – это некоторые нефтегазовые города и ПГТ в ХМАО и ЯНАО, привлекающие мигрантов, прежде всего, высокими доходами. Второй – курортные поселения с комфортными условиями проживания (пгт Джубга, Жемчужный) и поселения Самбийского (Калининградского) полуострова, привлекающие мигрантов по комплексу причин. Отдельный подтип формируют поселения периферии Московской области, привлекающие для мигрантов.

Выводы. Проведенное исследование позволило выявить сложную и мозаичную картину социально-экономической динамики малых городов и поселков городского типа России в 2010–2021 гг., которая нашла свое отражение в разработанной авторами комплексной типологии. В результате было выделено четыре макротипа МГНП: *пригородный, с ухудшающимся положением, стабильный и развивающиеся за пределами агломераций*. Каждый из них отличается своими демографическими характеристиками, особым положением в системе расселения и уровнем жилищного строительства, отражает разный уровень и тип динамики их социально-экономического развития.

Выявлена значительная географическая дифференциация типов МГНП, предложенных в типологии. В Северном, Восточно-Сибирском и Дальневосточном районах абсолютно преобладает макротип МГНП «с ухудшающимся положением». Для МГНП, расположенных в пределах Центрального и Северо-Западного районов, характерна повышенная доля «пригородного» макротипа, что связано с влиянием Московской и Санкт-Петербургской агломераций. В Центрально-Черноземном и Северо-Кавказском районах – самая высокая доля МГНП «стабильного» макротипа. Макротип МГНП «развивающихся за пределами агломераций», является самым немногочисленным. Такие МГНП расположены преимущественно в ХМАО, ЯНАО и на Самбийском полуострове Калининградской области.

Первые имеют более позитивную социальную экономическую динамику.

Выделенные типы МГНП демонстрируют современные тенденции их социально-экономических трансформаций. Особую обеспокоенность вызывает доминирование макротипа с ухудшающимся положением, который объединяет более половины всех МГНП и по количеству, и по численности проживающего в них населения. Эти городские поселения демонстрируют устойчивую тенденцию к депопуляции и социально-экономической деградации. Четверть всех МГНП отнесены к пригородному типу – однако из них только 2/3 имеют положительные тренды социально-экономического развития. Большинство таких МГНП

расположены в зоне влияния двух столичных агломераций. Из всех исследованных МГНП в условиях позитивной динамики социально-экономического развития проживают только 17% населения, 20% отнесены к группе со стабильной динамикой. Особо выделяются МГНП пригородного типа – 93% населения всех малых городов и ПГТ, отнесённых к группе с позитивной социально-экономической динамикой, относятся именно к этому макротипу.

Финансирование. Статья выполнена в рамках проекта РНФ № 24-17-00107 «Малые города и сельские населенные пункты в системе расселения регионов России (1989–2021)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.И.* Многоликая деревня: Население и территория. М.: Мысль, 1990. 266 с.
2. *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб, 1848. 503 с.
3. *Баранский Н.Н.* Об экономико-географическом изучении городов // *Баранский Н.Н.* Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. С. 204–254.
4. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Моногр. сборник. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
5. *Гуменюк Л.Г.* Типология малых городов регионов западного побережья России // *Вестн. Балтийского фед. ун-та им. И. Канта. Сер.: Естеств. и мед. науки.* 2021. № 2. С. 35–47.
6. *Гунько М.С.* Взаимосвязи малых городов и сельских районов в Центральной России: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2015. 26 с.
7. *Дружинин А.Г., Кузнецова О.В.* Стратегия пространственного развития России. Векторы обновления // *Географический вестник.* 2024. № (68). С. 15–26. DOI: 10.17072/2079-7877-2024-1-15-26.
8. *Землянский Д.Ю., Калиновский Л.В., Махрова А.Г., Медведникова Д.М., Чуженькова В.А.* Комплексный индекс социально-экономического развития городов России // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2020. № 6. С. 805–818. DOI: 10.31857/s2587556620060114.
9. *Землянский Д.Ю., Махрова А.Г., Медведникова Д.М.* Методические подходы к составлению комплексных индексов социально-экономического развития городов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География.* 2020. № 4. С. 21–31.
10. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Петросян А.Н.* Пространственные особенности миграционно-прироста пригородов региональных столиц России // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География.* 2021. № 6. С. 123–134.
11. *Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Балабан М.О., Гао Л.* Сжимающиеся города в России в постсоветский период // *Региональные исследования.* 2023. № 1. С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-1.
12. *Лаппо Г.М.* География городов: учеб. пособие для геогр. фак. вузов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.
13. *Лаппо Г.М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
14. *Лебедев П.С., Смирнов И.П., Смирнова А.А., Ткаченко А.А.* Социально-географическое пространство малых городов Тверской области // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География.* 2022. № 2. С. 86–100.
15. *Лебедев П.С., Смирнова А.А.* Территориальная идентичность малого города: опыт количественной оценки (на примере г. Бежецка) // *Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер.: География и геоэкология.* 2019. № 4. С. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2019-4-18-29>.
16. *Лейзерович Е.Е.* Ход концентрации населения в центральных частях субъектов РФ после 1990 года // *Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ).* Сб. докладов XXV сессии МАРС / ред. С.С. Артоболевский, Л.М. Синцеров. М.: Ин-т географии РАН, 2008. С. 173–181.
17. *Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И.* Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Науки о Земле.* 2023. Т. 68. № 1. С. 44–63. DOI: 10.21638/spbu07.2023.103.
18. *Мкртчян Н.В.* Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2018. № 6. С. 26–38. DOI: 10.1134/S2587556618060110.
19. *Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // *Социологические исследования.* 2015. № 12. С. 60–69.

20. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–57.
21. Нефедова Т.Г. Векторы и проблемы современного пространственного развития регионов ближнего севера европейской части России // Балтийский регион. 2024. № 3. С. 42–61. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-3.
22. Панин А.Н. Малый город – место, где возрождается семья / Всероссийский форум «Развитие малых городов и исторических поселений». Минстрой России, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=110846&p=attachment> (дата обращения 11.02.2025).
23. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России: Очерк экономической географии / Зап. ИРГО по отделению статистики. Т. X. Вып. 2. СПб. 1910. 212 с.
24. Смирнов И.П., Смирнова А.А. Активность населения как ресурс развития городов Тверской области: опыт оценки по данным сети «ВКонтакте» // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. 2019. № 4. С. 108–116.
25. Смирнов О.О., Безвербный В. А. Потенциал развития секторов экономики малых городов России: современные тенденции // Социум и власть. 2022. № 1. С. 62–74. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-62-74.
26. Фомкина А.А. Межрайонные центры социальной инфраструктуры: новый подход к их выделению (на примере Тверской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015. № 6. С. 57–64.

Статья поступила в редакцию журнала 2 октября 2025 г.

Об авторах:

Алексеев Александр Иванович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Бучинцев Захар Сергеевич – аналитик ООО «Исследовательский центр “Картфонд”»; магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Локтионов Кирилл Сергеевич – аналитик Научного центра изучения проблем сельских территорий Российского государственного университета народного хозяйства им. В.И. Вернадского; аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Алексеев А.И., Бучинцев З.С., Локтионов К.С. Типология малых городов и поселков городского типа России по динамике их социально-экономического развития в 2010–2021 гг. // Региональные исследования. 2025. № 3. С. 85–100.

DOI: 10.5922/1994-5280-2025-3-6

Typology of Russian small towns and urban-type settlements by socio-economic dynamics in 2010–2021

A.I. Alekseev^{1*}, Z.S. Buchintsev^{1,2}, K.S. Loktionov^{1,3***}**

¹ *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

² *“Kartfond” Data Research Center*

³ *Vernadsky Russian State University of National Economy, Research Center for Rural Development Studies, Moscow, Russia*

*e-mail: alival@mail.ru

** e-mail: zakharbuchintsev@gmail.com

*** e-mail: leeglokto@yandex.ru

This paper presents a comprehensive typology of small towns and urban-type settlements in Russia, based on an analysis of their socioeconomic dynamics from 2010 to 2021. The study encompasses 1 838 small towns and urban-type settlements, analyzing demographic indicators (natural and net

migration population growth), residential construction volumes, and spatial positioning relative to major urban centers. Binary logistic regression was employed to delineate spheres of influence of large cities, enabling objective assessment of suburban characteristics among smaller settlements. As a result, four macrotypes and ten types of urban settlements were identified, demonstrating different trajectories of their socioeconomic development. Findings reveal that 63% of the small-town population resides in settlements experiencing negative socioeconomic trends, predominantly located in peripheral areas. Only 17% of settlements, concentrated primarily within major metropolitan areas, demonstrate positive dynamics. Significant geographic differences in the socioeconomic development dynamics of the urban settlements emerges across regions: the European North, Eastern Siberia, and the Far East are characterized by a predominance of depressed types, while parts of the Northwestern, Central, and North Caucasian regions exhibit higher proportions of growing settlements.

Keywords: small towns, urban-type settlements, urban spheres of influence, settlement systems, typology, development dynamics.

Funding: This article is a result of the Russian Science Foundation (RSF) project No. 24-17-00107, «Small towns and rural settlements in the settlement system of Russian regions (1989–2021)».

Received 02.10.2025